Секреты. (Джинни)

Первая неделя в школе далась мне очень тяжело. Оказалось, что подглядывать за родителями и старшими братьями, пытаясь повторить их действия с веточкой в руке, и работать с настоящей волшебной палочкой — это очень и очень разные вещи. И я со все большим уважением смотрела на тех, кого многие мои знакомые, кривясь и тайком называли «грязнокровками». Ведь они вступали в новую жизнь, не зная и не умея практически ничего. Не удивительно, что при этом им было труднее, чем остальным, намного труднее, что и порождало слухи о «магической слабости грязнокровок». Но, если приглядеться к старшим курсам, то уже года через четыре разница практически сходила на нет. А презрение — оставалось. Уже совсем глупое, но оставалось! Не понимаю я этого. Совсем не понимаю. Но вот видеть такое — приходилось.

Я устроилась на диванчике неподалеку от того, на котором, обнявшись, сидят Гарри Поттер и Гермиона Грейнджер. Еще с тех пор, которые я вообще могу вспомнить, мама рассказывала мне о Мальчике-который-Выжил. И я всегда представляла себе, как он увидит меня... и влюбится. Я и сейчас не очень понимаю, что это такое: «влюбиться», но... но я была уверена, что он не может не влюбиться именно в меня... Была. Страшное слово. Еще с тех пор, как Рон прислал письмо, в котором жаловался на Гермиону... Как же, «она должна быть моей девушкой, а все время зависает с этим Поттером!» Я не понимала тогда, и не понимаю сейчас, почему он считает, что Гермиона ему что-то должна? Но главное, что я поняла из письма: я опоздала. Гарри уже нашел себе девушку. Тогда я плакала всю ночь, а утром ко мне зашла мама. Она пообещала мне, что сделает все, чтобы Мальчик-который-Выжил был со мной. Я поверила и успокоилась. Но...

Вот именно. «Но». Когда Гарри все-таки заехал к нам, в Нору... Я с детства могу чувствовать эмоции других людей. Мама с папой так и не поверили мне, когда я об этом рассказывала. А близнецы — посоветовали мне скрывать это, «потому, что люди не любят тех, кто отличается от них», и провели в пример Луну Лавгуд. Не согласиться было трудно. Так вот... когда Гарри все-таки приехал к нам... о Мерлин! Он же смотрел на нас, как на врагов! Почему?! Что я ему сделала?!

Я попыталась выяснить это у близнецов. Ребята вроде бы ровно общались с Гарри, и, может быть, могут знать... но... Два рыжих придурка всячески отнекивались. Может быть — сами не знают? Нет. Знают. Точно знают. Я же чувствую. Знают. Но мне — не говорят.

И вот я сижу в гостиной Гриффиндора. Кажется, папа называл это — мазохизмом. Мне больно смотреть на то, как Гарри и Гермиона, прижавшись друг к другу, сидят на диванчике и смотрят на огонь. Но я все равно сижу и смотрю на это, и не могу оторваться. Внезапно меня просто сдернули с диванчика и куда-то потащили. Сначала я пыталась отбиваться, а потом поняла, что это близнецы хотят со мной о чем-то поговорить.

— Ну и нафига? — Возмущение тем, как меня тащили, перехлестнуло всякие пределы.

— Нам надо

— поговорить с нашей маленькой — Иногда манера близнецов разговаривать, продолжая фразы друг за другом — просто раздражает. И, похоже, они это отлично знают.

— сестренкой, которая, кажется,

— влюбилась в Мальчика-который

— Выжил.

— Ну влюбилась! И что? — Мне хотелось кричать. — Зачем вы вмешиваетесь?!

— Будь

— осторожна. Встать между

— драконом и его

— добычей — менее болезненный способ

— самоубийства, чем встать между Гарри

— Поттером и Гермионой Грейнджер.

— Да знаю я… — Потупившись, упираю взгляд в сцепленные ладони. — Но… Я… Я даже не пыталась, а он… он все равно…

— Ронникинс. — Братья произносят имя одновременно, и я понимаю, почему они так ничего и не сказали мне дома: мама могла сильно рассердиться. Но что такого вытворил Рон? Впрочем, к этой теме надо переходить постепенно.

— Рон… Он ведет себя странно в последнее время. Раньше он ни за что не прошел бы мимо парочки, не попытавшись их высмеять.

— А вот это — то, о чем мы

— уже говорили. Гарри в

— ответ на такие

— насмешки швыряется

— подушкой. Очень

— сильно и очень

— метко. Ронникинс у нас

— умный. — От этих слов разило даже не привычной для близнецов насмешкой, но, как там говорил папа… «сарказм», кажется, это так называется. — Всего трех

— полетов от диванчика до

— стены ему

— хватило.

Прикидываю расстояние… Если Гарри и Гермиона предпочитают сейчас тот же самый диванчик — досталось Рону неплохо.

— Но все равно, с Роном творится что-то странное. От него плещет ненавистью.

— Что?! — Это они вместе.

— Не может

— быть. У Ронникинса кишка

— тонка для настоящей

— ненависти.

— И все равно. — Братья задумчиво смотрят на меня. Они-то знают, что я еще никогда не ошибалась в оценке эмоций. Я могу не понять какую-то сложную смесь, но если я что-то говорю — то это так и есть. — Но даже без этой ненависти. За что? Я ведь — не Рон. Почему меня… — Горло перехватывает, и я не могу продолжать.

— Потому, что я не уверен — ты игрок или фигура. — Голос из-за спины заставляет меня вздрогнуть. Ну, близнецы, погодите! Ведь они не могли не видеть подошедшего Гарри, но не предупредили! — Наследственный талант к зельеварению в вашей семье — слишком опасен, чтобы это игнорировать.

— Наследственный?! — Близнецы в шоке.

— Именно. По крайней мере, я не рискну попробовать что-либо, прошедшее через руки вашей матери. Слишком уж жесткие привороты она варит. — Ох! Значит…

— Гарри… Я… Это… — Несколько секунд я запинаюсь, не в силах ничего произнести. — Это, наверное, из-за меня… Я…

Слова хлынули потоком. Я рассказала, как плакала в кровати, после письма Рона поняв, что непоправимо опоздала… и про обещание мамы… Близнецы смотрели на меня с осуждением, а на Гарри я не решилась поднять взгляд. Наверняка он теперь ненавидит меня…

— Успокойся, Рыжик. — Меня дергают за прядку волос возле уха. — Мое сердце уже отдано, но на мою дружбу — можешь рассчитывать. Если понадобиться помощь — обращайся.

С трудом поднимаю взгляд. Гарри улыбается. Он… он улыбается мне? А потом Мальчик-который-Выжил поворачивается и уходит, оставляя меня с братьями стоять в коридоре в полном недоумении.

http://tl.rulate.ru/book/69516/1849733